

Конституция СССР 1924 года и критика современности

НЕЗАМЕТНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

Столетний юбилей Конституции СССР 1924 года, который для российского политико-правового дискурса является знаковой датой, едва ли был замечен нашим обществом. С одной стороны, в течение года не только готовились специальные публикации, но и проводились различные научные мероприятия, в рамках которых обсуждались всевозможные формально-юридические и содержательные особенности этого акта. С другой стороны, при проведении традиционных сопоставлений Конституции СССР 1924 года с более ранними и более поздними актами конституционного значения – в этом ряду, естественно, Конституция РСФСР 1918-го, Союзный договор 1922-го, Конституции СССР 1936-го и 1977 годов – не вызывает сомнений то, что юбиларша остается в тени всех упомянутых документов. В ряду конституционных актов советской власти Основной закон 1924 года лишен ореола исторического первенства и потому не содержит новшеств революционного характера. Он не учредил Союз ССР, но лишь подтверждал его существование; он не блистал красотами юридической техники; он не ассоциировался с именами вождей советского государства. Кажется, сама история вытеснила этот документ на периферию общественного и профессионального интереса – и, надо сказать, едва ли это случайно.

Даже при поверхностном взгляде на проблему нетрудно обнаружить, что и в советскую эпоху Конституция 1924 года не пользовалась особой популярностью среди исследователей. В сталинские времена научный дискурс, работавший на пропагандистскую машину, затушевывал различия между ленинским и сталинским планами построения советской федерации, стремясь выставить «отца народов» единственным последовательным ленинцем. Помимо изъятий неприкрытого сервизма – например, нарочитых преувеличений роли Сталина в подготовке документа, естественным путем исчезнувших из дискурса после 1953 года, – Конституцию 1924 года часто путали с Союзным договором 1922-го, из-за чего спустя десятилетия разразилась дискуссия о «договорной» или «конституционной» природе советской феде-

рации¹. Подытоживший ее вывод о том, что правовой основой для федерации может служить только Конституция, а не договор, был самоочевиден как для дореволюционных, так и для современных авторов², а потому не имеет ни малейшей научной ценности. Однако для советской доктрины он стал очень знаковым. Отсутствие свободы научного творчества, полноценной социологической и политологической науки закономерно привело к тому, что главными участниками любых социально-политических дебатов в СССР неизменно оказывались ученые-юристы. С одной стороны, это оборачивалось поверхностно-позитивистским толкованием конституционных актов, а с другой стороны, из-за этого смешивались в одну кучу правовые и прочие социальные характеристики не только Конституции, но и советского строя в целом.

Предваряя дальнейший анализ, необходимо сделать несколько важных оговорок. Во-первых, Конституция 1924 года стала первым актом, создавшим конституционную основу для восстановления государственности на территории бывшей Российской империи: ни Конституция РСФСР 1918 года, принятая в пылу гражданской войны, ни Союзный договор 1922-го, формально являвшийся международным, не обладали этой значимой характеристикой. Во-вторых, подобно упомянутым документам, первая советская Конституция стала актом нормативного воплощения марксизма-ленинизма – идеологии, которую исповедовала правившая группа. В этом смысле Конституция, не только пронизанная марксистско-ленинской фразеологией, но и конституирующая предусмотренные марксизмом властные институты, выступила идейной предшественницей последующих Основных законов СССР. В-третьих, в отличие от последующих Конституций союзного уровня, Конституция 1924 года была единственной, не говорящей ни слова о коммунистической партии как об особом субъекте государственно-правовых отношений, поскольку партия, хотя и располагала большинством в Советах всех уровней, на момент принятия Конституции еще не была монопольной политической силой. Наконец, в-четвертых, в федералистском смысле Конституция 1924 года, не ограничивая политический процесс, лишь очерчивала пре-

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

- 1 Подробнее см.: *Государственное право СССР* / Под ред. С.С. Кравчука. М.: Юридическая литература, 1967. С. 233; Лепешкин А.И. *Советский федерализм (теория и практика)*. М.: Юридическая литература, 1977. С. 148; Чистяков О.И. *Конституция СССР 1924 года*. М.: Зерцало, 2004.
- 2 См., например: Коркунов Н.М. *Русское государственное право*. 6-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. Т. I. С. 151–153; Жилин А.А. *Теория союзного государства*. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1912. С. 279; Яценко А.С. *Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства*. Юрьев: Типография К. Матисена, 1912. С. 286; Лазаревский Н.И. *Русское государственное право*. 3-е изд. СПб.: Слово, 1913. Т. I. С. 226; Корольков В.В. *Актуализация классификации федеративных систем: основания для пересмотра выделения «договорных» и «конституционных» федераций* // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 47–57.

дела компетенции союзных республик. (Интересно, что в этом она гораздо больше похожа на Конституцию США, тоже принятую в развитие более раннего конфедеративного договора, нежели на любую из последующих Конституций СССР.) Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что Конституция 1924 года была не только формально, но и практически самой либеральной и самой федералистской из всех советских конституций.

В отличие от последующих Конституций союзного уровня, Конституция 1924 года была единственной, не говорящей ни слова о коммунистической партии как об особом субъекте государственно-правовых отношений.

Тем не менее до сих пор ни в правовой, ни в политической, ни в социологической литературе не наблюдалось должного осмысления базовых постулатов советского строя, впервые закрепленных в Конституции 1924 года и частично воспроизводимых в последующих конституционных актах. Отсутствие же напрашивающейся рефлексии ведет к тому, что современные внутри- и внешнеполитические события словно выпадают из контекста – то есть воспринимаются без учета ключевых идейных установок, которые, обозначившись еще в 1924 году, в своей тесной взаимосвязи по-прежнему продолжают влиять на происходящее не только на постсоветском пространстве, но и во всем мире.

Конституция 1924 года и критическая теория

Осмысление интеллектуальной и идеологической основы, поддерживающей Конституцию 1924 года и влияющей, как ни странно, на современные политические процессы сразу в нескольких измерениях, целесообразно начать с некоторых общих, но не всегда очевидных вещей. Прежде всего следует сказать, что марксистское учение, положенное в основу Конституции 1924 года, с точки зрения социальной философии является частной импликацией критической теории в целом и либерализма как ее политического проявления в частности. Либерализм, выступающий реакцией на неравенство и связанные с ним ограничения, критикует реальность, для которой это неравенство и эти ограничения естественно присущи. В подобном виде либерализм сложился тогда, когда условия реаль-

ной жизни – рост производства, развитие рынка, институционализация капитала – перестали соответствовать наличным политическим порядкам и социальным практикам. И хотя эти порядки, стремясь легитимировать себя, порой привлекали метафизические аргументы (например отсылки к божественной воле), конечной целью любой их аргументации всегда оставалось объяснение наличного политического строя как естественного и, следовательно, единственно возможного. Заслуга либерализма, таким образом, состояла в том, что им впервые был поставлен под сомнение консервативный тезис о неизменной природе реальности: вопреки этому тезису он настаивал на противоестественности неравенства, присущего феодализму или абсолютизму.

В свою очередь социализм в целом и марксизм в частности можно считать новой вехой развития либеральной мысли: здесь критическая теория пошла еще дальше и поставила под сомнение тот социально-политический порядок, который сложился уже при самом классическом либерализме. Таким образом, левый фланг либеральной мысли в логике критической теории вновь выставил на суд критики все то же неравенство – но возникающее уже не за счет передаваемых по наследству привилегий, а благодаря свободному рынку, лелеемому классическим либерализмом. Трактующий в этой логике марксизм представлял не антагонистичной либерализму идеологией, а напротив, вполне либеральной реакцией на современное общество и подкрепляющую его индустриализацию. Иначе говоря, получалось так, что «оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии»³. Рассуждая в том же ключе, можно добавить, что столь же закономерным продолжением развития либеральной идеологии позже станет возникновение анархизма или либертарианства, отрицающих не только экономическую, но и всякую иерархию как структурную основу неравенства.

Таким образом, в отличие от реалистических политических теорий, объясняющих, как устроен общественный мир, но не ставящих перед собой вопрос о том, каким он должен быть, критические политические теории делают упомянутый вопрос приоритетным. Нападая на реализм, критические теории требуют от общественного пространства постоянных изменений, подталкивая его к большей гибкости. Например, тот же либерализм, положительно относящийся к социальной инженерии, не только восприимчив к изменениям, но и готов отражать их в целом комплексе социальных структур, к числу которых относятся государство и право. Идея утилитарно конструируемой и

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

3 МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Манифест Коммунистической партии* // Они же. *Сочинения*. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 430.

управляемой реальности позволяет критическим политическим теориям указывать ориентиры для развития общественных отношений в дальнейшем.

Например, критическая идея об ограничении произвола феодалов и абсолютных монархов привела к формированию ключевых принципов либерального устройства, включая правовое государство, приоритет прав человека, республиканскую форму правления и разделение властей. Критическая идея о необходимости структурных изменений, позволяющих искоренить произвол обладателей крупного капитала, привела к формированию основных принципов социалистического государства, к числу которых относится постулирование социальных прав человека – на образование, медицинскую помощь, защиту в трудовых спорах и так далее. Наконец, критические идеи классического анархизма и современного либертарианства видят во всяком публичном воздействии на личность ограничение ее воли и поэтому приходят к концепциям «смерти государства» и разработке альтернативных государству моделей социальной организации.

Все сказанное имеет прямое отношение к Конституции 1924 года, включающей Декларацию об образовании Союза ССР. В ней конституируемый союз открыто противопоставляется буржуазным государствам и гораздо менее явно – предшествовавшему абсолютистскому строю. Создателям конституционного акта в этом виделась единственная возможность защитить отстаиваемые ими ценности от иерархизма, от которого, по мысли марксистов, классический либерализм так и не смог избавиться окончательно. Показательна в этом смысле заочная дискуссия по поводу того, каким надлежит быть послереволюционному российскому федерализму, участники которой весьма выражено противопоставляли друг другу «вертикальные» (иерархические) и «горизонтальные» (неиерархические) подходы к созиданию нового государства. Она настолько интересна, что есть смысл уделить ей некоторое внимание.

После того, как традиционный уклад рассыпался на части в революционном 1917 году, один из его прежних стойких критиков, классический либерал и кадет Федор Кокошкин, написал:

«Построение российской федерации, основанной на началах национального разделения, представляет задачу государственного строительства практически неосуществимую. [...] Я не знаю, может быть, мы движемся навстречу какой-нибудь новой эпохе, может быть, она создаст какие-нибудь новые государственные формы, которые нам и не снились, может быть, в соответствии с изменением человеческой психологии изменятся и основания для построения форм государства, но сейчас, стоя на почве данных

условий, на почве данных законов государственного строительства, построить в России федерацию народностей невозможно»⁴.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

Это откровенно саркастическое замечание регулярно цитировалось советскими авторами, преследовавшими, однако, различные цели. Одни обращались к нему, чтобы упрекнуть своих либеральных антагонистов в преданности старым иерархическим порядкам; развивая именно эту линию, Алексей Лепешкин, возглавлявший в 1960-х журнал «Советское государство и право», утверждал:

«Временное правительство продолжало проводить в области национальных отношений ту же политику, что и царизм, только в новых, более утонченных формах. Оно также выступило и против федерации в условиях России. Устами своего идеолога Ф.Ф. Кокошкина оно открыто отрицало возможность федеративной формы государственного устройства России»⁵.

Другие советские правоведы, также опиравшиеся на высказывания видных кадетских теоретиков, выбирали иное направление атаки. Так, по словам профессора МГУ Давида Златопольского, «даже буржуазные юристы вынуждены признать, что буржуазные федеративные государства не могут разрешить национального вопроса»⁶, хотя для советской власти, напротив, эта амбициозная задача вполне по плечу – ведь в строительстве нового государства она решительно отказалась от привычных клише:

«Построение советской федерации по национальному принципу было осуществлено впервые в мировой истории; такая федерация явилась одним из могучих средств разрешения национального вопроса в Советском государстве. [...] Это был новый, неизвестный ранее практике государственного строительства принцип федерации, ибо буржуазные союзные государства строились отнюдь не по национальному признаку и создавались зачастую насильственно, в результате захвата территории»⁷.

Следует добавить, что на уникальность и неповторимость советского федеративного опыта указывали и современники

4 Кокошкин Ф.Ф. *Автономия и федерация*. М.: Лештуковская паровая скоропечатня «Свобода», 1917. С. 14–15; см. подробнее: *Революция и федерация. Избранные места из дискуссий 1917–1923 годов* // Неприкосновенный запас. 2022. № 6(146). С. 88–128.

5 Лепешкин А.И. *Указ соч.* С. 70.

6 Златопольский Д.Л. *Государственное устройство СССР*. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. С. 53. Автор, впрочем, атаковал не Федора Кокошкина, а его соратника по кадетской партии и тоже дореволюционного правоведом Александра Яценко, писавшего, что «никакая областная децентрализация или федерация, как бы она организована ни была, не может разрешить национального вопроса» (Яценко А.С. *Указ. соч.* С. 392).

7 Златопольский Д.Л. *СССР – федеративное государство*. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 52–53.

советского Основного закона 1924 года – то есть эта мысль была на редкость устойчивой⁸.

Представленные позиции демонстрируют особенности критического подхода к социальной реальности применительно лишь к одному из вопросов, входящих в предмет регулирования конституционного права: к политико-территориальному устройству. Именно он оказался центральным предметом правового регулирования для Конституции 1924 года, хотя вдохновлявшая этот документ критическая традиция проявила себя и в других элементах: в основах конституционного строя, правовом статусе личности, организации публичной власти. Все эти вопросы нашли свое отражение, причем в духе все той же критической теории, в принятых впоследствии конституциях союзных республик и общесоюзных Основных законах 1936-го и 1977 годов. Однако в марксизме, который оставался радикальным ответвлением либерализма и критической теории, столь же решительно проявились и скрытые недостатки этих направлений общественной мысли. Парадоксальным образом то, что сейчас принято называть «кризисом либерализма», было в гипертрофированной форме заложено в основания отечественной государственности ровно сто лет назад. Последствия этого мы переживаем до сих пор.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КРИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Главнейший недостаток критических теорий предстает закономерным продолжением их основного достоинства. Не имея возможности опереться на живой факт, критическая политическая мысль ориентирует практику общественных отношений на гипотетические, не подкрепленные опытом примеры социальной организации. Опираясь на чисто идеалистические установки, она не озадачивается вопросом, можно ли на деле выстроить те идеальные общественные институты, которые существуют в воображении ее создателей. Иначе говоря, концепции, критикующие реальность, в значительной мере воздвигнуты на ее решительном отторжении.

Классический либерализм, оформлявшийся в противовес вековым привилегиям правящих групп, вместе с самими при-

8 В частности, накануне принятия Конституции 1924 года российский и советский правовед Всеволод Дурденевский – тоже, что интересно, не обошедший стороной знаменитого кадета, – писал: «Ф.Ф. Кокошкин оказался трижды прав. В 1917 году создать федерацию народностей было еще невозможно и государственное единство России временно разрушилось; в 1919–1920 годах мы, по-видимому, прошли через конфедеральную стадию, и сейчас, с изменением в горниле революции экономики и психологии, Россия стоит перед новой, никем непредвиденной формой государственного строя, имя которой – Союз Советских Республик» (Дурденевский В.Д. *На путях к русскому федеральному праву* // Советское право. 1923. № 1. С. 34–35).

вилегиями отрицал и их культурное превосходство. Вместо наследственного приобретения властных прерогатив его сторонники предлагали сделать власть доступной и для тех, кто не мог претендовать на нее по праву рождения. Подобное новшество, однако, не снимало вопроса о том, насколько справедливо в социуме распределяются различные виды капитала. В свою очередь невозможность окончательно разобраться со справедливостью как наличной, так и вообще любой иерархии провоцировала радикализацию либеральной мысли. Запнувшись на противоречивости собственных базовых установок и не пожелав их пересматривать, сторонники классического либерализма начали критиковать возникавшие социалистические идеи и порядки в той же манере, в какой они прежде критиковали абсолютизм. Именно это позволило учению Маркса, опираясь на свою предельную критичность и вопреки всем своим недостаткам, не только сделаться логичным продолжением ранней либеральной философии, но и предложить более целостную и потому более убедительную картину мира.

Противостояние критицизма и ультракритицизма могло закончиться иначе, если бы сторонники либерализма сумели выйти за рамки, установленные их собственным учением, сосредоточившись на внутренних противоречиях новых политических теорий, бросивших им вызов, и подвергнув их имманентной критике. Но вместо этого классические либералы пытались оценивать новые явления, используя устаревшие средства. В частности, именно такую когнитивную ошибку, как представляется, совершил Карл Поппер, превратив истолковавший Платона, Гегеля и Маркса как тоталитарных противников автономии личности. Более того, в предисловии к русскоязычному изданию своего главного сочинения, опубликованному в 1992 году, Поппер заявлял, что построение «открытого общества» в России, вне всякого сомнения, достижимо – если только в стране будет организован свободный рынок, базирующийся на новой, либеральной конституции и новом, столь же либеральном, гражданском кодексе немецкого образца, проекты которых тогда находились в разработке⁹. Читая эти строки сегодня, остается лишь удивляться глубочайшей наивности именитого автора, даже не попытавшегося сопоставить свои яркие идеи с реалиями посткоммунистической России.

В указанном смысле всякая либеральная идея обречена в той или иной степени оставаться метафизической абстракцией, действенность которой будет зависеть скорее от эффективности убеждения адептов, нежели от реальной обоснованности. Не стал исключением и марксизм, который, несмотря на

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

9 См.: Поппер К. *Открытое общество и его враги*. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. Т. 1. С. 7–15.

демонстративное противостояние классическому либерализму и позиционирование себя в качестве материалистической – то есть предельно реалистичной – политической теории, содержал колоссальное внутреннее противоречие. Имея в виду предстоящее ниже обращение к Конституции СССР 1924 года, полезно остановиться на нем подробнее.

Критическая политэкономия Маркса претендовала на научность и потому базировалась на анализе уже известных и многократно описанных фактов социальной жизни. В частности, понимание ею исторического процесса вдохновлялось тезисом о непрерывности классовой борьбы за производительные силы и вытекающей из нее смене общественно-экономических формаций¹⁰. Иначе говоря, отталкиваясь от опыта более ранних формаций, классики марксизма критиковали их с материалистических позиций – располагая при этом достоверными сведениями о том, какая именно социальная сила вышла победителем из ранее складывавшихся революционных ситуаций. Та же логика применялась и в критическом препарировании капитализма XIX века, причем вскрытие недостатков классического либерализма требовало от марксистов обозначения какой-то знаковой цели, делавшей закономерными смены всех предшествующих формаций.

В результате, занимаясь проектированием социалистического – и уж тем более коммунистического – будущего в условиях, когда коррелирующие с этим будущим общественные отношения попросту отсутствовали, левые теоретики-критики были вынуждены прогнозировать их развитие на основе абстрактных понятий. Борясь за научность своей теории, Маркс и Энгельс наотрез отказывались признать социальное развитие хаотичным по сути процессом, что оборачивалось его грубо линейной интерпретацией – и, следовательно, постулированием его конечной точки. Коммунизм как утопическая идея общества, избавленного от иерархии и неравенства, выступал, таким образом, мерилем, в сопоставлении с которым обосновывалась недоброкачественность уже сложившейся буржуазной действительности. Критикуя видоизменившуюся социальную реальность, радикально-либеральная реакция на становление модерна к аргументам классического либерализма добавляет собственный радикально-этический аргумент. Именно так происходит неочевидная, но колоссальная по своему значению подмена фундаментального принципа марксистского уче-

10 См., например: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Манифест Коммунистической партии*. С. 424–436; МАРКС К. *К критике политической экономии* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Сочинения*. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 5–9; МАРКС К. *Послесловие ко второму изданию «Капитала»* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Сочинения*. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 12–22.

ния – материализма (или, говоря точнее, политического реализма) – политическим идеализмом¹¹.

В свою очередь из этого методологического противоречия рождается тезис, согласно которому *политическая теория становится материальной силой тогда, когда она овладевает массами*, сформулированный Марксом в начале его теоретического пути и подхваченный Лениным на пике его практической деятельности¹². Глобальный смысл этого положения заключается в том, что основным полем классовой борьбы внезапно оказывается спор не о принадлежности различных видов капитала – как это было в условиях классического, домодерного общества, – а о контроле над массами, открывающем доступ к капиталу. Среди прочего сказанное означает, что все политические теории априори являются едва ли не равнозначными конкурентами по отношению друг к другу и преуспевает среди них та, посредством которой действительно удастся взять под контроль массы. В противоборстве же равных идей в условиях фактического неравенства верх одержит та из них, которая уже поддерживается различными видами капитала, необходимого для проведения в жизнь любой идеи.

Это достижение критической политической мысли, которое без преувеличения можно назвать самым значимым, подразумевает, однако, что сами критические теории, вступая в конкуренцию за лучший образ будущего, не имеют очевидных преимуществ перед реализмом. Обещая построение справедливого общества без иерархии под руководством партии трудящихся, марксизм обходит стороной вопросы превращения самой партии в новый класс, вызревания бюрократической контрреволюции – и, как следствие, отхода от социализма. Для советской партийной бюрократии, непосредственно затронутой этими трендами, они не казались настолько же очевидными, какими их видел внешний наблюдатель. Между тем Лев Троцкий, будучи одним из таковых, с помощью марксистского метода критиковавший сталинский режим, смог спрогнозировать процессы, в конечном счете обусловившие крушение советского строя¹³. На первый взгляд может показаться парадоксальным,

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

11 Эта подмена наиболее отчетливо просматривается в «Манифесте Коммунистической партии», вторая часть которого резко выбивается из общей логики критической политической экономии.

12 См.: МАРКС К. *К критике гегелевской философии права. Введение* // МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Сочинения*. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 422; ЛЕНИН В.И. *Удержат ли большевики государственную власть?* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 34. С. 332.

13 См.: Троцкий Л. *Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?* М.: Т8 RUGRAM, 2017. С. 52–81, 129–160. Примечательно, что оценки советского строя, данные марксистом Троцким за полвека до его крушения, совпадают с результатами социологических и институциональных исследований, проведенных в процессе распада СССР и после него. См., например: Восленский М.С. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990; ГАЙДАР Е.Т. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М.: РОССПЭН, 2006.

что последователи ультракритической политической теории, стремясь приблизить ее метод к реальности, которую хотели улучшить, в итоге отступились от этого метода, а один из наиболее идеалистично настроенных ее адептов, сохраняя верность методу в ущерб собственному политическому будущему, смог безошибочно спрогнозировать эволюцию политической системы, основанной на этой теории. То есть в этом случае волей-неволей получается, что для воплощения марксизма в жизнь нужно перестать быть марксистом, а чтобы остаться таковым навсегда, ни в коем случае не нужно предпринимать попыток воплотить марксистскую модель на практике.

Однако при более тщательном рассмотрении выясняется, что мы имеем дело с парадоксом, присущим не только марксизму, но и любым либеральным – то есть критическим – политическим теориям. Критический метод, безусловно, необходимый для совершенствования реальности, не должен быть единственным средством ее восприятия, поскольку перманентная критика реальности подразумевает ее отрицание, что исключает саму возможность ее последующего улучшения. Таким образом, обозначается естественный когнитивный предел всякой критической теории, приложимой к политике, – тупик, который невозможно преодолеть, сохраняя прежние целеполагание и старые методы. Но одновременно этот тупик можно использовать в качестве стартовой площадки для поиска новых подходов, предполагающих конструктивную конвергенцию критического и реалистического подходов. По-видимому, нечто подобное после краха СССР произошло в Китае.

Будучи наиболее радикальной критической теорией, марксизм вышел к ее границам прежде других идеологий, а также раньше иных либеральных практик государственного строительства. Он опытным путем продемонстрировал предельность критической мысли в чистом ее виде. Несмотря на крах советского эксперимента, ведущие либеральные демократии продолжали со временем смещаться влево, перенацеливая радикализацию своего критического начала с имущественного расслоения на иные формы иерархии и неравенства. Провозглашая в качестве своей цели защиту прав человека, критическое отношение западных правопорядков к реальности обрело радикальные формы. Так, справедливые по своей природе требования ликвидации формальных и фактических ограничений личности по критериям ее гендерной, расовой или сексуальной принадлежности привели к вырождению движения за права женщин в бескомпромиссное мужененавистничество, движения за права цветных – в реверсивный расизм, движения за права сексуальных меньшинств – в нормализацию всевозможных расстройств полового поведения. Отрицая ба-

зовые человеческие характеристики столь же концептуально, как ранее коммунизм отрицал всякую социальную иерархию, упомянутые – и некоторые другие – идеологии рано или поздно займут свое место в ряду «научно обоснованных», но практически невозможных и потому несбывшихся утопий.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

Конституция 1924 года в критической перспективе

Принципиальное отторжение реальности критическими политическими теориями сделало основанные на них социальные институты и структуры потенциально неустойчивыми. О скалы реальной политики сначала разбился корабль марксизма, потопив вместе с собой Союз ССР, а сегодня аналогичным образом у нас на глазах трагично гибнет классический либерализм. Если в западных странах эта тенденция проявляет себя в дальнейшем эволюционировании критической теории – в частности, в ужесточении политического дискурса, описывающего естественные свойства индивидов и их групп, – то в России она обретает иное выражение. Некогда зафиксированные в Конституции Российской Федерации 1993 года либерально-демократические положения выхолащиваются из самой практики общественной жизни как элементы, чуждые российской конституционно-правовой идентичности. Несмотря на то, что в некоторых случаях речь идет об изъятии из конституционного строя заведомо мертворожденных, идиллических институтов, гораздо чаще формальные и фактические отступления от аутентичного текста Конституции обусловлены организационной унификацией публичной власти всех уровней и поступательным ограничением прав человека. Не углубляясь в эту тему детально, обозначим все же немаловажный вопрос: если, как было показано ранее, для пересмотра критических политических теорий действительно имеются объективные причины, а либерально-демократические правовые порядки по-прежнему их игнорируют, продолжая спорить с реальностью, то что же предлагается на замену классическому либерализму, изгоняемому из отечественного конституционного строя?

Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, нормативно запечатлели доминирование в социальном дискурсе так называемых «традиционных ценностей». Клише взято в кавычки, поскольку к самой этой культурной, политической и правовой конструкции есть ряд серьезных вопросов. За столетие с небольшим российское общество *трижды* кардинальным образом меняло свои устои: от монархии

оно перешло к социализму, от социализма – к либерализму, от либерализма – к великодержавию. К какой же из трех предшествующих традиций должны отсылать активно продвигаемые «традиционные ценности»? Впрочем, эта тема едва ли претендует на первостепенность. Гораздо более важным представляется то, что закрепленные в обновленной Конституции Российской Федерации популистские положения, позже раскрытые в подробностях и деталях¹⁴, по большей части представляют собой набор абстрактных стереотипов типа «за все хорошее против всего плохого». Претендуя на привлечение симпатий максимального числа сограждан, они не имеют между собой рационально постижимой системной связи, а также не обладают сколько-нибудь внятными формами институциональной организации. В попытке подвести под эти разрозненные идеи хоть какую-то когнитивную основу близкие к официозу идеологи все чаще обращаются, в частности, к писаниям Ивана Шмелева или Ивана Ильина, провоцируя реакцию критически мыслящей части общества, особо бурно проявляющуюся в среде левых активистов. Ошибочность выбора упомянутых авторов на роль «созидателей новой антилиберальной России» обусловлена даже не их одиозными политическими знакомствами, зафиксированными документально, а самим характером отстаиваемой ими идеологии. Оформляясь в качестве реакции на успехи критических теорий, доктрина о сохранении традиционных способов легитимации (и, следовательно, традиционных общественных иерархий), была исходной и потому наименее совершенной формой политического реализма. Более того, эта разновидность традиционалистской идеологии, отрицающая необходимость общественного развития, уже подверглась разгромной деконструкции, которую предприняли классический либерализм и ортодоксальный марксизм.

Нежелание опираться на критические политические теории в процессе государственного строительства не означает отказа от их завоеваний и преимуществ: из этого вытекает лишь то, что критицизм и реализм нужно приспособливать друг к другу – для, позволим себе тавтологию, критического восприятия реальности посредством реалистичной критики. Саморазрушение советских общественных институтов, основанных на радикальной критической политической теории, спровоцировало в постсоветской России экзистенциальный кризис, который сейчас предлагается преодолевать наиболее примитивным способом: откатом к докритическим формам политической организации социума. Такой выбор, пусть даже обеспечиваю-

14 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>).

щий сохранение капиталов и привилегий как минимум двум поколениям олигархов, силовиков и обслуживающего их персонала, не имеет серьезных исторических перспектив. В контексте современного или даже постмодерного общества замшелое традиционалистский фундамент социальной сплоченности выступает наихудшим выбором не столько в свете этических соображений, сколько потому, что, отрицая прогрессивное, да и всякое иное развитие¹⁵, он влечет за собой масштабную, бессмысленную и пустую растрату потенциала и ресурсов страны. О том, как это работает в экономической сфере, столетие назад прозорливо писал все тот же Троцкий, противопоставляя два типа компрадорского этоса:

«Реставрация буржуазной России означала бы для “настоящих”, “серьезных” реставраторов не что иное, как возможность колониальной эксплуатации России извне. В Китае иностранный капитал орудует через компрадоров, то есть китайскую агентуру, нагревающую руки на грабеже собственного народа мировым империализмом. Реставрация капитализма в России создала бы химически чистую культуру русского компрадорства, с “политически-правовыми” предпосылками деникински-чанкайшистского образца. Все это было бы, конечно, и с богом, и со славянской вязью, то есть со всем тем, что нужно душегубам для “души”»¹⁶.

Разумеется, сказанное можно спроецировать не только на экономику.

**За столетие с небольшим российское общество
трижды кардинальным образом меняло свои
устои: от монархии оно перешло к социализму,
от социализма – к либерализму, от либерализма –
к великодержавию. К какой же из трех
предшествующих традиций должны отсылать
активно продвигаемые «традиционные ценности»?**

Возвращаясь к Конституции СССР 1924 года, можно констатировать, что она при всех своих несовершенствах и противоречиях представляла собой не только набор идеологических установок для контроля над массами, но и *инструмент совершенствования реальности*. Несмотря на то, что ориентиром

15 См., например: Эвола Ю. *Люди и руины*. М.: АСТ, 2007. С. 5–18; Дугин А.Г. *Философия традиционализма*. М.: Арктогея-Центр, 2002.

16 Цит. по: Троцкий Л. *К капитализму или к социализму?* // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11 (www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm273.html).

для ожидаемых изменений выступала несбыточная коммунистическая утопия, сохранявшаяся в этом документе критическая интеллектуальная основа позволила ему стать первым актом социального новаторства *такой* юридической силы и *такой* степени детализации. Более того, по сравнению с предшествующим правопорядком, который базировался на сохранении иерархий, фактически разложившихся под давлением модерности, Конституция 1924 года выглядела гораздо более реалистичной: общественные силы, привлекаемые ею для воплощения умозрительной утопии будущего, оказались куда внушительнее общественных сил, задействованных для сбережения никогда не существовавшей, но освящаемой традицией утопии прошлого. В этом смысле несмотря на многочисленные недостатки советского правопорядка, закрепленного в Конституции 1924 года, его утилитарный характер позволил вовлечь в социально-политическую практику значительные сегменты населения, прежде не имевшие возможности участвовать в публичных делах. Как следствие, установленные в этом Основном законе принципы обуславливали благо каждого гражданина достижением общего блага. Надо сказать, что нынешняя Конституция Российской Федерации никогда не была столь же очевидно действенной: она лишь *декларировала* идеологические установки социально-политической жизни, а апелляции к включенным в нее с недавних пор «традиционным ценностям» оправдывают, как правило, не расширение прав человека и упрочение их гарантий, а напротив, внедрение все новых запретов или ограничений.

Несмотря на многочисленные недостатки советского правопорядка, закрепленного в Конституции 1924 года, его утилитарный характер позволил вовлечь в социально-политическую практику значительные сегменты населения, прежде не имевшие возможности участвовать в публичных делах.

В стремлении вернуть никогда не существовавший «золотой век» нынешние апологеты традиционализма подменяют рациональные решения общественных проблем суррогатными. Так, для преодоления демографических затруднений вместо коренного пересмотра действующих программ поддержки семьи, материнства, отцовства и детства стараются усложнить процедуры аборта и развода, а вместо поддержания конкуренции мнений, жизненно необходимой для нормального общест-

венного развития, публичный дискурс стерилизуют под благородным предлогом военной цензуры. Деградация общественных институтов, провоцируемая отказом от использования критического метода, влечет за собой деградацию не только общественного дискурса, но и всех общественных отношений. Симптоматичным проявлением такого вырождения можно считать зазвучавшие с недавних пор предложения ограничить преподавание в общеобразовательных школах обществознания, а также теории эволюции. Эти вывихи не должны удивлять: в традиционалистском обществе нет места для достоверных знаний ни о нем самом, ни о естественности всякого развития.

Ссылки идеологии традиционализма на историю тоже не могут не вызывать существенных нареканий. Так, помимо упомянутой выше проблемы, касающейся хронологических границ мнимого «золотого века», в который стоило бы вернуться нашему обществу, возникает закономерный вопрос о том, что делать с причинами, некогда его уже погубившими: ведь если они по-прежнему в силе, то, вступив в «золотой век» вновь, его с легкостью можно будет опять потерять. И потом, если таковые причины известны заранее, то не мешало бы еще и разобраться, почему обитатели предыдущих утопических царств, будь то имперское или советское, не отреагировали на них своевременным и должным образом. Столь же смущающим выглядит и привлечение религиозных текстов, по идее, призванных оправдывать фактическое неравенство, но на деле иногда опровергающих саму традиционалистскую идеологию. В этом плане характерна амбивалентность, отличающая слова апостола Павла, согласно которым «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Привлекающие этот отрывок в апологетических целях по неведению или по лукавству избегают упоминания о том, что его автор на пару с другим апостолом были незаконно задержаны римскими магистратами македонского города Филиппы и подвергнуты пыткам, после которых (а также после явленного ими чуда, напугавшего тюремщиков), отказались, несмотря на освобождение, покидать тюрьму до тех пор, пока им не принесут официальные извинения – как римским гражданам, которых, согласно закону, было строго запрещено пытать. Ученики Христа добровольно покинули узилище лишь после того, как их условие было выполнено (Деян. 16:36–39). Иначе говоря, даже в рамках христианской традиции, признающей естественность всякой иерархии, откровенный произвол властей вполне можно воспринимать негативно, и, следовательно, невозвратный тезис о подчинении всякой власти не исключает критического анализа ее действий.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
КОНСТИТУЦИЯ СССР
1924 ГОДА И КРИТИКА
СОВРЕМЕННОСТИ

В настоящее время осмысление того места, которое критические и реалистические теории занимают в политике и праве, не является приоритетной научной задачей, а имеющих качественных публикаций, затрагивающих эту тему, недостаточно для корректировки доминирующего научного дискурса¹⁷. Тем не менее, лишь сосредоточившись на выстраивании новой интеллектуальной традиции, основанной на конструктивном симбиозе реалистической теории и критического метода, можно будет преодолеть обозначившееся в отечественной социальной мысли неприятие прогресса. Публичные дискуссии, посвященные юбилею Конституции СССР 1924 года, способны послужить прекрасным поводом для того, чтобы начать разворот от культивирования стагнации к поощрению развития. Уклониться от подобного разговора нашему экспертному сообществу все равно не удастся, будь то сейчас или позже – в связи с какой-то иной значимой годовщиной, на которые богат 2025 год.

17 О необходимости разработать в рамках науки конституционного права метод критического реализма первым написал Сергей Денисов, который, однако, связывает это понятие исключительно с идеями классического либерализма, не предлагая принципиального решения методологической проблемы: Денисов С.А. *Критический реализм в отечественной науке конституционного права* // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 6–12; см. также обстоятельную публикацию: *Критические теории права: коллективная монография* / Под ред. Е.Н. Тонкова, И.И. Осветимской. СПб.: Алетейя, 2023.